

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 6

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ. 16 МАРТА 1870 ГОДА.

ПЕНЗА. 15 МАРТА,

Въ настоящемъ номерѣ мы помѣщаемъ начало статьи А. А. Балаковскаго „о начальномъ воспитаніи дѣтей сельскаго духовенства.“ Предметъ этотъ, по своей особенной важности, стоитъ того, чтобы объ немъ подумать и потолковать духовенству общими силами. „Умъ хорошо, а два лучше“ говоритъ народная умная пословица; а тысячи умовъ, стало быть, и въ тысячу разъ лучше. Потому — то нынѣ, въ виду общаго стремленія къ просвѣщенію русскаго царства вообще и русскаго духовенства:

въ особенности, вопросъ о воспитаніи и сдѣлался насущнымъ вопросомъ литературы свѣтской и духовной; потому — то и мы охотно и съ благодарностію открываемъ страницы своего изданія всякимъ дѣльнымъ разсужденіямъ и замѣткамъ по этому вопросу.

Что воспитаніе нашихъ дѣтей доселѣ было неудовлетворительно, неправильно, это нынѣ сознано всѣми и едвали еще противъ этого могутъ быть возраженія. Но въ чемъ состояла эта неправильность, и какъ пособить горю, вотъ вопросъ, который теперь на очереди въ которомъ начинъ въ нашемъ изданіи дѣлаетъ г. Балаковскій. Намъ кажется, что г. Балаковскій правъ, считая однимъ изъ главныхъ недостатковъ нашего домашняго воспитанія нѣкоторое отчужденіе дѣтей отъ общихъ интересовъ, занимающихъ старшихъ членовъ семьи, въ затворничествѣ своего рода, по которому не признаютъ за дѣтьми ни способности, ни права принимать участіе въ занятіяхъ и бесѣдахъ людей взрослыхъ. Какъ не низокъ будетъ уровень развитія, на примѣръ, пизшихъ членовъ сельскаго духовенства, все же онъ несравненно выше того уровня, на которомъ стоитъ простой сельскій людъ нашъ. Слѣдовательно, отдаляя дѣтей отъ себя и вталкивая ихъ, такъ сказать, въ массу уличныхъ деревенскихъ ребятишекъ, наши духовные собратія лишаютъ ихъ одного изъ важнѣйшихъ образовательныхъ средствъ, какое заключается въ общеніи съ людьми болѣе развитыми, — что при недостаткѣ другихъ средствъ, каковы на пр. домашніе учителя, не можеть не имѣть печальныхъ результатовъ: ребенокъ не умѣетъ ни мыслить, ни говорить, естественно отъ того, что его удаляли отъ общества съ домаш-

нимъ кругомъ, въ которомъ бы онъ могъ все таки слышать, какъ мыслить и говорить люди. Намъ именно думается, что если въ дѣтяхъ духовенства мало развитъ драгоценный, и необходимѣйшій ему — то духовенству, даръ слова; такъ это прежде всего отъ того, что имъ не позволяютъ (въ большинствѣ случаевъ) ни слушать бесѣды домашняго общества, особенно при стороннихъ посѣтителяхъ, ни самимъ упражнять этотъ даръ внимательствомъ въ бесѣды этого общества. Кромѣ того, считая недоступнымъ для мысли и чувства дѣтей тотъ міръ, въ которомъ живутъ старшіе члены семьи, отцы тѣмъ самымъ даютъ имъ поводъ составлять для себя особый міръ изъ толпы уличныхъ крестьянскихъ дѣтей, отъ котораго вредъ самъ собою понятенъ; или, что еще хуже, заставляютъ ихъ замыкаться въ самихъ себѣ, отъ чего они начинаютъ дичиться при всякомъ стороннемъ человѣкѣ, образуютъ въ себѣ свой собственный маленькій мірокъ понятій и идей, конечно такъ же грубыхъ и дикихъ, какъ дикн они сами, и мало по малу до того пристращаются къ этому міру собственныхъ идей и понятій, что въ послѣдствіи не охотно съ нимъ расстаются. Не въ этомъ ли заключается причина и того страннаго и трудно объяснимаго явленія, что иногда изъ дѣтей, въ продолженіе всего періода ихъ образованія, по видимому, смиреннѣйшихъ въ послѣдствіи образуются отчаянные эгоисты?

Не менѣе вредно дѣйствуютъ на дѣтей суровость обращенія родителей съ ними. Знаемъ многіе и многіе примѣры, что дѣти возрастаютъ, не зная, что значить отцовская ласка, нѣжный отцовскій поцѣлуй. Нерѣдко поцѣлуй этотъ получить мальчикъ отъ отца развѣ, когда по-

елѣдній провожаетъ его въ другой городъ въ школу, или по возвращеніи изъ оной. Многіе отцы ставятъ себѣ правиломъ воспитанія, чтобы дѣти ихъ только боялись, забывая что есть сила болѣе могучая, нежели страхъ, говоримъ о любви. При такомъ отношеніи къ дѣтямъ лучшая сторона духа, чувство, остается у нихъ почти безъ развитія. Отсюда недостатокъ симпатичности въ дѣтяхъ духовенства, недостатокъ того, что составляетъ прелесть въ обращеніи людей хорошо воспитанныхъ. Излишняя строгость въ обращеніи съ дѣтьми, грубыя мѣры взысканія, еще болѣе очерствяютъ, такъ сказать, мягкія сердца дѣтей и, кромѣ того, отнимаютъ у нихъ всякую увѣренность въ собственныхъ силахъ, дѣлаютъ ихъ боязливыми и робкими, словомъ производятъ то, что называется *забитостію*. Отсюда та угловатость, неловкость, даже грубость и дикость, въ которой едва ли не справедливо обвиняютъ дѣтей духовенства (а нерѣдко и не дѣтей!). Лѣтъ десять назадъ одна почтенная дама изъ свѣтскаго образованнаго круга говорила намъ: „я боюсь семинаристовъ, когда они идутъ мимо меня, — ужъ непременно зацѣпятъ!“.... мы готовы вѣрить, что барыня говорила правду; но мы не думаемъ, чтобы семинаристъ сдѣлалъ это намѣренно. Если барыня боится семинариста; то семинаристъ еще больше боится барыни, или барыня, а иногда пожалуй и лакея, одѣтаго въ барское платье; и отъ того — то немудрено, что проходя мимо ихъ, онъ непременно зацѣпитъ: у него все выходитъ какъ-то угловато.

Не знаемъ продолжать ли г. Балаковскій свои труды по предмету начальнаго воспитанія дѣтей, а желательно,

чтобы обращено было вниманіе еще на одну, и важнѣйшую, сторону этого предмета, на воспитаніе въ добродѣтели и благочестіи. Безъ этого всегда чувствуется пресбѣль въ сочиненіяхъ о воспитаніи. Конечно дѣти наши имѣютъ понятіе о благочестіи, ихъ заставляютъ уважать праздники, ходить въ церковь, заставляютъ даже практиковаться въ чтеніи и пѣніи богослужебномъ, — по... но, кажется, и только: большею частію дѣти дѣлаютъ это по чувству страха родительскаго, безъ сердечной любви къ совершаемымъ ими дѣйствіямъ благочестія, дѣлаютъ не охотно, поневолѣ; отъ того перѣдко ростки благочестивой жизни и засыхаютъ въ нихъ скоро. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, самое вѣрное объясненіе того, что пи-гмалисты являлись между молодыми людьми даже и духовнаго происхожденія. По этому-то, намъ кажется, что воспитаніе въ благочестіи и добродѣтели должно стать во главу воспитанія дѣтей духовенства. „Подъ долгомъ воспитать своихъ дѣтей, учить святыи Златоустъ, я разумѣю не то только, чтобы не допустить ихъ умереть съ голода, но чтобы образовать сердца дѣтей въ добродѣтели и благочестіи; это долгъ священныи, котораго нельзя преступить, не сдѣлавшись виновнымъ въ пѣкотораго рода дѣтоубійствѣ; эта обязанность обща, какъ для отцовъ, такъ и для матерей. Итакъ умоляю васъ, позаботьтесь о добромъ воспитаніи дѣтей вашихъ, прежде всего помышляйте о спасеніи душъ ихъ; болѣе всего приучайте ихъ къ благочестію, къ занятіямъ религіознымъ; старайтесь не о томъ, чтобы оставить ихъ богатыми, но о томъ, чтобы сдѣлать ихъ благочестивыми, владыками своихъ страстей, богатыми въ добродѣтеляхъ.

„Приучайте ихъ не вымышлять мнимыхъ нуждъ, и бла-
га мира сего цѣнить такъ, чего они стоятъ. Ваши дѣ-
ти всегда будутъ богаты, если получать отъ васъ хо-
рошее воспитаніе, способное упорядочить ихъ нравы, и
хорошо устроить ихъ поведеніе.“ (*) Намъ хотѣлось
бы еще поговорить о начальныхъ школахъ для дѣтей ду-
ховенства; но мы возвратимся къ этому предмету послѣ.

О начальномъ воспитаніи дѣтей сельскаго духовенства.

Дѣтямъ городскихъ сословій, особенно достаточныхъ,
служить средствомъ къ умственному развитію самая об-
становка жизни, среди которой протекаетъ ихъ дѣтство.
Обращеніе этихъ дѣтей въ кругу болѣе или менѣе разви-
тыхъ людей и освобожденіе ихъ отъ такъ—называемаго
затворничества, на которое иногда обрекаются дѣти по
безотчетной привязанности родителей къ устройству
семьи на началахъ древнерусской, до — петровской ста-
рины, — все это очень развиваетъ дѣтей городскихъ и
состоятельныхъ классовъ въ умственномъ и нравственномъ
смыслѣ. Отпразденія и интересы жизни, окружающіе дѣ-
тей въ среднемъ и высшемъ сословіи, конечно, болѣе
знаменательны, многочисленны и разнообразны, чѣмъ ка-
кими наполнена жизнь необеспеченныхъ сельскихъ обыва-

(*) Беседа 3 прот. хулт. монаш. жвз.

телей; пустота сельской жизни и патриархальная простота обстановки, среди которой живут дѣти въ селахъ, особенно у бѣдныхъ родителей, обыкновенно кладутъ на нихъ печать почти неестественнаго спокойствія, равнодушія и апатіи ко всему окружающему. Но какъ ни мало въ сельской жизни встрѣчаютъ дѣти сколько нибудь развитыхъ людей и другихъ образовательныхъ вліяній, все же уровень ихъ умственнаго развитія былъ бы несравненно выше, если бы отцы и матери открывали дѣтямъ своимъ свободный доступъ въ сферу собственной своей жизни.

Прилагаемъ эти общія положенія къ дѣтямъ сельскаго духовенства. О томъ, какъ мало они оказываются развитыми въ общечеловѣческомъ смыслѣ при поступленіи въ духовное училище, было уже не разъ заявлено въ печати (См. ж. Руководство для сел. пастырей 1869 г. № № 26, 27 и д.). Мы вполнѣ признаемъ громадную разницу между уровнемъ образованія, какимъ владѣетъ духовенство, и степенью умственнаго развитія окружающей его массы простыхъ сельскихъ обывателей; тѣмъ не менѣе въ условіяхъ сельскаго быта, въ этой темной деревенской средѣ, охватывающей дѣтей духовенства при всякомъ выходѣ ихъ за порогъ роднаго дома, нельзя не видѣть довольно сильныхъ препятствій къ умственному развитію и образованію малютокъ. На дѣтей духовенства вредно вліяютъ деревенскіе крестьянскіе мальчики, съ которыми священнослужители и особенно церковнослужители оставляютъ своихъ дѣтей расти въ постоянныхъ сношеніяхъ: общія у тѣхъ и другихъ дѣтей забавы, игры и шалости не проходятъ безслѣдно для умственнаго и общечеловѣче-

скаго развитія дѣтей духовенства; у послѣднихъ отъ постоянного общенія съ невѣжественными дѣтьми крестьянъ, естественно образуются ихъ привычки и наклонности, — отвращеніе къ сидячему труду ученія, верхоглядство, грубыя понятія, предразсудки, неумѣнье говорить и т. д. Само собой разумѣется, что вовсе запрещать дѣтямъ преступать за порогъ роднаго дома было бы смѣшно и неудобно. Но это вредное вліяніе на дѣтей уличной деревенской жизни можно ослаблять отцу привѣтливѣе обращеніемъ съ ними и наибольшимъ приближеніемъ ихъ къ кругу своей собственной жизни. Дѣло въ томъ, что огромное большинство сельскаго духовенства, особенно низшіе члены клира, смотря на малолѣтнихъ дѣтей старинному, держать ихъ болѣе или менѣе далеко отъ себя, въ затворѣ, какъ бы не признають за дѣтьми ни способности, ни права принимать участіе въ занятіяхъ и бесѣдахъ людей взрослыхъ. И оказывается такимъ образомъ, что занятія и интересы отцовъ, ихъ радости и печали, проходятъ мимо дѣтей, не затрагиваютъ ни ихъ любознательности, ни сердца; жизнь дѣтей заключается въ своемъ собственномъ кругѣ, не имѣющемъ почти ничего общаго съ жизнью взрослыхъ членовъ семьи. Еще мать, въ минуту особеннаго возбужденія материнскаго чувства, найдетъ ласковымъ словомъ своихъ дѣтей, пожалуй поговоритъ съ ними и о дѣлѣ серьезномъ, занимающемъ въ данную минуту большихъ членовъ семейства: но у отцовъ почти никогда не обнаруживается желанія дѣлиться своими мыслями съ „глупыми“ дѣтьми. Напротивъ того, отцамъ перѣдко нравится, если матери держатъ дѣтей подальше отъ нихъ, чтобы дѣти не мѣшали имъ, не лѣз-

ли въ глаза, а сидѣли гдѣ нибудь въ затворѣ. Въ этомъ затворничествѣ дѣтей сельскаго духовенства, въ этомъ удаленіи ихъ отъ жизни отцовъ и матерей, заключается важное препятствіе для умственнаго и вообще человѣческаго развитія ихъ, — тѣмъ болѣе, что при означенномъ обращеніи съ дѣтьми, послѣднимъ остается одинъ исходъ — привязаться всею силою души къ ихъ невѣжественнымъ деревенскимъ товарищамъ, перенести всѣ свои занятія и симпатіи за порогъ родительскаго дома, на улицу.

Припомнимъ, читатель, если только ты былъ, не въ числа тѣхъ счастливцевъ, которые зовутся протоіерейскими сынками, какъ жалко и безслѣдно, благодаря требованіямъ затворничества, проведено нами наше домашнее дѣтство! Наше дѣтство прошло безъ всякой пользы для умственнаго развитія, мало того — оно намъ повредило, привило вредныя привычки, отвлекло насъ, наперекоръ дѣтской природѣ, отъ любознательности, сроднило съ неестественной умственной лѣнью, чуждавшеюся всякаго умственнаго напряженія. Наше дѣтство не было тѣмъ живымъ, впечатлительнымъ и любознательнымъ дѣтствомъ, какимъ оно должно бы быть; когда мы вслушивались или вмѣшивались въ разговоры старшихъ себя отцовъ и матерей, нами были недовольны и отсылали насъ отъ себя или уходили отъ насъ; когда мы обнаруживали желаніе знать что нибудь и спрашивали: что это? зачѣмъ? почему? — намъ говорили съ неудовольствіемъ: „молчи! много будешь знать — скоро состаришься“; при посѣщеніи нашего дома постороннимъ человѣкомъ насъ прятали куда нибудь, или выгоняли вонъ, на улицу, какъ бы вовсе

не было въ насъ ничего человѣческаго. И чѣмъ тверже усвойвали мы искусство дѣлаться въ потребныхъ случаяхъ сказочными „невидимками“ и рѣже попадались старшимъ на глаза, тѣмъ большей любовью пользовались отъ нихъ, какъ смиренники, умники и скромники. Оттого бойкому и даровитому мальчику между нами было труднѣе попасть въ любимцы у отца и матери, чѣмъ вялому и бездарному лѣнливцу.

Означенное положеніе дѣтей въ семействѣ есть остатокъ старины, давно отжившій между людьми образованными. Она именно не могла терпѣть въ дѣтяхъ ни рѣзвости съ непринужденностію, ни того, что называется проявленіемъ личнаго самосознанія и свободной самодѣтельности. Рѣзвость дѣтяти и беззастѣнчивое обращеніе его съ взрослымъ лицомъ считались выраженіемъ своеправія и проявленіемъ развивающейся въ немъ непокорности и неуваженія къ старшимъ, почему отъ дѣтей съ такими качествами родители не думали ждать ничего хорошаго. Напротивъ того, отцы ждали всего хорошаго отъ дѣтей въ томъ случаѣ, когда успѣвали запугать ихъ и сдѣлать робкими, недружелюбными и вялыми. „Будь пониженъ главою, высокъ же умомъ; очи имѣй въ землю, а умъ на небеси; уста сомкнутыя и сердце вопіющее къ Богу, а нозѣ тихо ступающія.“ говорили въ старину отцы дѣтямъ (*). Положеніе само по себѣ хорошее; но доведенное до крайнихъ предѣловъ оно производило вредъ.

(*) Слово отца къ сыну, напеч. въ москвитянинѣ за 1851 г.

ныя послѣдствія въ отношеніи къ развитію умственныхъ способностей дѣтей. Слѣпая бессознательная покорность чужой волѣ убивала въ нихъ всякое проявленіе самосознанія и личной самостоятельности и доводила до неестественной запуганности, нелюдимости и безличной пассивности. Этому содѣйствовали еще жестокія тѣлесныя наказанія, которыя лежали въ основѣ всей системы педагогическихъ правилъ. Отцамъ внушалось въ качествѣ священныхъ требованій педагогич. слѣдующія обязанности относительно дѣтей: „Казни сына своего отъ юности его, и поконти ты на старость твою, и дасть красоту душѣ твоей. Не ослабляй бия младенца; аще бо лозою биеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ; ты бо бия его по тѣлу, душу его избавляеши отъ смерти. Не давай воли дѣтищу, но сокруши ему ребра, допележе растеть; еда како ожесточавъ не повинеть ти ся, и будетъ ти отъ него досада люта и болѣзнь души, и скорбь не мала, и тщета дому, и погибель имѣнію, и укоръ отъ сосѣдъ, и посмѣхъ предъ зраги, а предъ властими платежъ и зла досада“ (Домострой Сильвестра). И когда отецъ не могъ быть слишкомъ строгимъ къ маленькимъ дѣтямъ своимъ, онъ по крайней мѣрѣ не имѣлъ права быть къ нимъ нѣжнымъ и ласковымъ, долженъ былъ держаться отъ нихъ въ грозномъ отдаленіи, стараясь хотя казаться строгимъ. „Не смѣйся и не играй съ младенцемъ своимъ, говоритъ древняя наша мудрость, — вмалѣ бо осклабиши ся, а во мнозѣ поскорбиши и поболиши о немъ, и послѣди яко оскомниу зубомъ, тако печаль сотвориши души твоей“ (Златоструй по рук. XVI в. въ „Архивѣ Калачева“, кн. 2, 1845 г.) Такимъ образомъ въ обраще-

и съ дѣтьми отецъ руководился тѣми же началами, какими проникнуты были въ древности отношенія господъ къ рабамъ и начальниковъ къ подчиненнымъ. Какъ рабовъ били палками и сѣкли розгами, такъ точно казнили и дѣтей; какъ съ холопами хозяева не имѣли ничего общаго въ жизни, не дѣлились ни дѣломъ, ни бездѣльемъ, такимъ же точно образомъ избѣгали сообщеній съ дѣтьми ихъ господа — отцы. Дѣти осуждены были на самое строгое затворничество, изъ котораго они могли выходить и являться въ кругу семейства только по требованію отцовъ. Но какъ неограниченные владыки въ домѣ, предъ которыми все преклонялось и было безгласно, отцы не позволяли дѣтямъ при себѣ ни говорить, ни сидѣть, ни даже думать. „Когда родители или другіе кто позвуютъ дѣтей (изъ ихъ затвора), говоритъ „Юности честное зерцало“ (*), — то должны они къ нимъ отозваться и отвѣчать тотчасъ, какъ голосъ слышашъ, и потомъ сказать: что изволите, государь батюшка, или государыня матушка;.... такъ, мой государь; слышу, государь; я выразумѣлъ, государь; учиню такъ, какъ вы, государь, приказали..... Безъ спросу не говорить; а когда и говорить имъ случится, то должны они благопріятно, благочинно, а не крикомъ; и не много говорить, потомъ слушать. Нужду свою благообразно, въ пріятныхъ и учтивыхъ словахъ предлагать, подобно якобы имъ съ какимъ иностраннымъ

(*) Извѣстный въ исторіи рус. словесности букварь начала XVIII вѣка, по которому русскій мальчикъ учился кромѣ грамоты, правиламъ, какъ вести себя. См. Истор. Гал.

лицемъ высокимъ говорить случилось..... Если случится дѣло и рѣчь печальная, то надлежитъ при томъ быть печально и имѣть сожалѣніе; въ радостномъ случаѣ быть радостно и являть себя весело съ веселыми. Но предъ родителями шапки не надѣвать, а держать въ рукахъ, и возлѣ нихъ не садиться, и прежде оныхъ не засѣдать, но все потаеннымъ образомъ, съ великимъ почтеніемъ, не съ ними врьдъ, но немного уступя позади оныхъ, къ сторонѣ стоять, подобно яко нажъ нѣкоторый или слуга. Только съ матерями, участь которыхъ тоже была незавидна въ старой русской семьѣ, дѣти могли чувствовать и вести себя нѣсколько свободно и непринужденно. Но для этого матери съ дѣтьми должны были составить въ семействѣ свой собственный мірокъ и, въ надеждѣ на главу, загвориться отъ жизни дѣйствительной гдѣ нибудь на чердакѣ или въ клѣтѣ. Такое отношеніе отцевъ къ дѣтямъ само собою вело послѣднихъ въ умственномъ отношеніи къ алатіи и тупости, а въ нравственномъ къ скрытности, лживости и двуличности, или лицемѣрію.

Конечно нельзя дозволить дѣтямъ совершенной распушенности въ глазахъ родителей, — это была бы другая крайность, которой не можетъ одобрить ни какая здравая педагогія: но мы говоримъ только противъ крайней строгости и нравственного отчужденія дѣтей отъ родителей. Точно такъ же педагогія не можетъ одобрить и осторожнаго поведения родителей предъ глазами дѣтей. Хотимъ сказать, что не все слѣдуетъ говорить и дѣлать при дѣтяхъ, что дѣлается и говорится между взрослыми. Самый благовоспитанный человѣкъ съ безукоризненными правилами жизни и убѣжденіями, можетъ при случаѣ,

повести рѣчь о предметѣ вовсе не назидательномъ для нравственности дѣтей, какъ на пр. объ испорченности современнаго общества, о недостаткѣ въ людяхъ правды, о трудности жить честнымъ трудомъ; или если напр. представленъ будетъ рядъ поразительныхъ фактовъ на тему о томъ, какъ опасно слѣдовать въ жизни внушеніямъ совѣсти, пріямомъ характера, откровенности и т. д. Добро и зло переплетаются въ жизни самымъ тѣснымъ образомъ, подобно тому, какъ полевыя розы почти никогда не растутъ не обвившись дурною, заглушающею травой. Жизнь — тоже поле; отъ соблазнительныхъ рѣчей, неприличныхъ шутокъ, двусмысленныхъ остротъ и бессмысленнаго смѣха — этихъ пустыхъ и негодныхъ растений на полѣ жизни — не воздержится, можно сказать, никто. Да, наконецъ, помимо нашей воли, по какой-то неотразимой силѣ зла, тяготящаго надъ жизнію, какъ часто совершаются около насъ дѣйствія драмы, возникающія изъ суетности человѣческой, управляемая себялюбіемъ, пропитанная съ начала до конца духомъ чувственности. И конечно, ни одно семейство, будь оно порядочное изъ порядочныхъ, не можетъ обойтись безъ того, чтобы хоть разъ въ жизни не сдѣлаться мѣстомъ сцены для подобныхъ драмъ. Но было бы верхомъ неблагоразумія допускать дѣтей къ участию въ этихъ драмахъ, или вообще дѣлать ихъ свидѣтелями чего нибудь нехорошаго и соблазнительнаго, случающагося въ домѣ. Кто хочетъ съ малолѣтства давать дѣтямъ уроки грѣховной опытности, развращающей сердце, тотъ можетъ это дѣлать; но въ такомъ случаѣ онъ же и отвѣчаетъ за дѣтей предъ Богомъ. Предполагать же, что дѣ-

ти, какъ глупыя и ничего не понимающія, не могутъ вынести для себя изъ соблазнительныхъ картинъ и безправственныхъ дѣйствій среды ничего вреднаго, значило бы предполагать невозможное; дѣтская душа такъ мягка, что въ ней мгновенно отражается все хорошее и дурное, и тѣмъ прочнѣе остается въ ней, чѣмъ дитя моложе. И не смотря на все это, опять скажемъ, здравая педагогія ни какъ не можетъ одобрить обычая затворять дѣтей для житья въ особыя комнаты и сколько можно избѣгать ихъ общества, тѣмъ болѣе, что весьма легко, не удаляя дѣтей отъ себя, не только не портить ихъ, а напротивъ воспитывать и развивать въ нихъ все доброе, человѣческое. Правственные начала, благородныя инстинкты, добрыя привычки и наклонности, конечно, не даются человѣку замкнутыми на глухо четырьмя стѣнами, а вырабатываются жизнью, усваиваются подъ вліяніемъ хорошо устроенной семьи, крѣпнуть въ средѣ, доступной дѣйствию общественнаго мнѣнія.

Съ другой стороны, обычай затворничества дѣтей ведетъ нѣкоторымъ образомъ къ бездѣйствію родителей въ дѣлѣ воспитанія. По привычкѣ держаться вдали отъ дѣтей, сельское духовенство, особенно низшіе члены клира, смотрятъ на дѣтей, какъ на помѣху для себя въ своихъ занятіяхъ, и у нихъ уже по этому самому, какъ будто, не достаетъ времени остановить на дѣтяхъ свое вниманіе, въ виду воспитательныхъ цѣлей. Но пусть каждый отецъ приблизить къ себѣ дѣтей, пусть отвергнетъ, какъ ни къ чему не годныя, тѣ формы родительской любви, въ какія облекалась она во времена невѣжества, — быть не можетъ, чтобы родительское сердце могло стѣсняться

въ выборѣ времени для воспитательныхъ занятій съ дѣтьми. Кому не извѣстны обязанности сельскаго духовенства? — и мы высоко цѣнимъ труды его на поприщѣ вѣры и просвѣщенія народнаго; точно также не лзя не признать за нимъ заботливости относительно матеріальной жизни. Тѣмъ не менѣе отъ заботъ о воспитаніи дѣтей никто не свободенъ. Для усиленія средствъ жизни, сельскому духовенству, особенно низшимъ членамъ клира, какъ замѣчается и современная печать, не лзя обойтись безъ того, чтобы не заниматься какимъ нибудь матеріальнымъ трудомъ или механическимъ ремесломъ; но при этомъ было бы странно не удѣлить отцу времени для занятія съ дѣтьми.

Какъ скоро за исполненіемъ хозяйственныхъ и служебныхъ обязанностей отцу бываетъ „недосугъ заниматься съ своими дѣтьми,“ значитъ дѣло воспитанія дѣтей стоитъ въ его понятіяхъ ниже всѣхъ другихъ занятій и интересовъ человѣческихъ. А развѣ такъ это должно быть?! Занятія по воспитанію дѣтей, напротивъ, важнѣе многихъ предметовъ, входящихъ въ кругъ разнообразныхъ нашихъ обязанностей, можно даже сказать — важнѣе всѣхъ, потому что пренебрегать воспитаніемъ дѣтей значитъ пренебрегать самими дѣтьми, а дѣти — это во первыхъ — даръ благословенія Божія и наслѣдники царства небеснаго, почему въ Божественномъ откровеніи занятіямъ по воспитанію дѣтей усволяется одинаковая важность съ занятіями и дѣятельностію царя и священника (*). Самъ И-

(*) Подробное и обстоятельное раскрытіе этой мысли см. въ „Чтеніяхъ о воспитаніи“ извѣстнаго нашего педагога, профессора Московскаго У. Юркевича.

сусь Христосъ любилъ обращаться съ дѣтьми, находя ихъ достойными своего общества наравнѣ съ взрослыми, даже предпочиталъ послѣднимъ дѣтей въ нравственномъ отношеніи, ставилъ въ примѣръ. Но душевная чистота дѣтей — даръ природы; ихъ невинность не основана на убѣжденіи въ ея высшемъ достоинствѣ и обязательности, не усвоена путемъ борьбы и побѣды надъ зломъ; и онѣ требуютъ, поэтому, посторонняго руководства въ своей нравственной жизни, особенныхъ виѣшнихъ мѣръ къ развитію своего ума и сердца; равно какъ и для поддержанія ихъ тѣлесной жизни необходимы труды и заботы другихъ. И ктожъ эти другіе? Прежде всего — ихъ родители: такъ говоритъ намъ совѣсть. Родители обязаны брать на себя попеченіе о воспитаніи дѣтей; въ соотвѣтствіе съ чѣмъ имъ же придется и отвѣчать за дѣтей предъ судомъ Вѣчной Правды, если не дадутъ имъ по нерадѣнію о ихъ воспитаніи возможнаго счастія въ жизни и не выведутъ ихъ на надлежащую дорогу, — дорогу добра и постепенно нравственнаго самоусовершенствованія. Вовторыхъ, съ заботами о воспитаніи дѣтей тѣсно связано въ жизни собственное благо родителей; мы вмѣняемъ отцу въ честь, если онъ заботится о воспитаніи своихъ дѣтей, и относимъ къ его стыду и безчестию грубость и невѣжество дѣтей. Онъ стѣбается за дурныхъ дѣтей предъ общественнымъ мнѣніемъ, потому что дѣти ему принадлежатъ; онъ долженъ пещись о своемъ семействѣ, потому что кругъ семейной жизни составляетъ кругъ собственной его жизни. Такъ мать любитъ свое дитя какъ себя: но она любитъ въ немъ саму себя, — дитя принадлежитъ ей и составляетъ часть собственного

ея существа. Также точно и животные заботятся о дѣтихъ своихъ, даже иногда болѣе, нежели люди. И отецъ, заботясь о дѣтихъ, заботится собственно о самомъ себѣ. Для дѣтей можно все дѣлать, дѣлая все собственно для самаго себя, для своей славы и обезпеченія подѣ старость; наше я не ограничивается однимъ лицомъ нашимъ, но простирается на все то, что относится къ собственности или чести нашей. Дѣти — наше богатство и наша слава, наша бѣдность и нашъ стыдъ. Наконецъ, самые гражданскіе законы возлагаютъ на отцовъ обязанность воспитывать и учить дѣтей, — стало быть и общественное благо зависитъ отъ этого. Въ дѣтихъ, или что тоже — въ молодомъ поколѣніи, заключается та вѣчно живая могучая сила, которая, при надлежащемъ направленіи, движетъ челоуѣчество впередъ и впередъ; въ нихъ, если они должнымъ образомъ воспитываются съ дѣтства, заключается залогъ истиннаго прогресса ума и нравственности челоуѣческой, того прогресса который указанъ Евангельскимъ словомъ Господа: *будите совершени, якоже и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мѡ. 48). Въ частности воспитывая своихъ дѣтей, отцы готовятъ для общества полезныхъ дѣятелей, имѣющихъ облагораживать жизнь общества, увеличивать въ ней сумму добра и ослаблять силу зла.

Послѣ этого нѣтъ нужды распространяться о томъ, какъ неудобно въ невниманіи къ воспитанію дѣтей извпасть недостаткомъ на то времени. Говорить отцу о недосугѣ, когда рѣчь идетъ о воспитаніи дѣтей, значитъ только набрасывать невыгодную тѣнь на самаго себя. Здѣсь все главнымъ образомъ зависитъ отъ серьезнаго

взгляда на дѣтей, отъ пониманія того значенія, какое имѣетъ для нихъ начальное воспитаніе, и затѣмъ — отъ умѣнья вести это дѣло. Зная цѣну начального воспитанія и умѣя за него взяться, отецъ мно ое можетъ сдѣлать для дѣтей, и не употребляя на это особеннаго времени. Поэтому, если дѣти сельскаго духовенства, особенно низшихъ членовъ клира, являются въ училище съ самымъ жалкимъ уровнемъ умственнаго развитія и безъ всякихъ начатковъ воспитанія, причину этого печальнаго явленія должно искать именно въ невнимательности отцовъ къ дѣтямъ и незнакомствѣ ихъ съ требованіями педагогівъ. Какъ извѣстно, невнимательность къ воспитанію дѣтей можетъ быть у отцовъ и при извѣстной степени образованія; точно также незнаніе педагогики, или неумѣнье воспитывать, замѣчается часто въ очень образованныхъ людяхъ. Поэтому, называя духовенство сельское невнимательнымъ къ дѣтямъ и неумѣющимъ воспитывать ихъ, мы ничего этимъ не хотимъ сказать противъ образованія духовенства, тѣмъ болѣе, что образованіе, которымъ владѣетъ духовное сословіе, въ цѣломъ его составѣ, распредѣляется въ немъ очень неравномѣрно. Болѣе чѣмъ на двѣ трети сельское духовенство состоитъ изъ причетниковъ и діаконівъ, по разнымъ причинамъ не получившихъ полнаго семинарскаго образованія, отъ которыхъ по тому самому не лзя и требовать серьезнаго взгляда на дѣло воспитанія дѣтей, или умѣнья вести это дѣло. Во всякомъ случаѣ, если бы причетники не принадлежали къ духовному званію, или получили полное семинарское образованіе, то о дѣтяхъ сельскаго духовенства не лзя было бы сказать того, что теперь приходится сказать; и

мы надѣмся, поэтому, что тѣ изъ читателей нашихъ, которымъ Промыслъ судилъ быть сельскими священниками, не посѣтуютъ на насъ за правдивое, хотя и жестокое нѣсколько, слово — о проявленіяхъ и результатахъ нецимательности сельскаго духовенства къ начальному воспитанію дѣтей, тѣмъ болѣе, что перомъ нашимъ руководить участіе къ дѣтямъ духовенства и желаніе помочь сколько можно дѣлу ихъ воспитанія.

Мальчикъ, о воспитаніи котораго родители сколько нибудь заботятся и который растетъ не на всей своей волѣ, видѣнъ съ перваго раза. Онъ умытъ, необорванъ, людей не дичится, знаетъ какъ зовутъ папашу и мамашу, приученъ къ нѣкоторымъ требованіямъ, такъ называемаго, приличія, скажетъ «здравствуйте», глядитъ ласково и вмѣстѣ съ уваженіемъ, умѣетъ проронить пріятное слово, опасается сказать дерзость и т. д. Въ дѣтяхъ сельскаго духовенства, и въ особенности причетническихъ, не легко найти такіе начатки воспитанія; за немногими исключеніями онѣ растутъ въ грязи, не мытыя, не чесаныя, оборванные. По этому, и учась уже въ училищѣ, онѣ столько же заслуживаютъ укора въ неряшествѣ и нечистоплотности, какъ и тѣ, оставленные на произволъ судьбы, дѣти крестьянъ, которыхъ вы встрѣчаете въ деревняхъ бѣгающими по улицамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ умственномъ отношеніи онѣ оказываются при поступленіи въ училище такъ мало развитыми и такъ плохо понимающими самыя простыя вещи, что какъ будто онѣ еще не жили, — ничего не видѣли, ничего не слышали, ни надъ чѣмъ не задумывались. Ихъ лица не оживлены никакимъ человѣческимъ чувствомъ; бываютъ примѣры, что

мальчика на первых порахъ по включеніи въ училище бываетъ довольно трудно приучить къ его собственному имени и фамиліи. Впрочемъ, неряшество всегда, говоря, предполагаетъ недостатокъ умственного развитія въ человѣкѣ. Но особенно непріятно поражаетъ васъ въ нашихъ мальчикахъ нелюдность и одичалость, выражающіяся въ непріязненной недовѣрчивости къ людямъ и безсознательной дерзости предъ ними.

(Продолженіе будетъ).

С К А З А Н І Е

о крестьянинѣ Богданѣ Тимоѣевичѣ.

(приложеніе къ статьямъ Ив. В — ча Сабурова ())*

Пензенской губерніи въ селѣ Дертевѣ жилъ грамотный крестьянинъ Богданъ Тимоѣевичъ. Богъ умудрилъ его

(*) Въ предъувѣдомленіи къ статьямъ Ив. В — ча Сабурова (См. № 3. стр. 87.), напечатаннымъ въ 3, 4 и 5 № № П. Е. В., мы сказали, что Авторъ своему сочиненію, изъ котораго взяты тѣ статьи и которое носитъ у него названіе „Совѣтъ да привѣтъ добрымъ людямъ“, предпосылаетъ сказаніе о крестьянинѣ села Дертева Богданѣ Тимоѣевичѣ. По первоначальному нашему плану мы опустили это сказаніе: но по прочтенію „Бесѣды добродѣтельнаго крестьянина“, нѣкоторые изъ нашихъ читателей изъявили желаніе прочесть и сказаніе о самомъ томъ крестьянинѣ. Въ удовлетвореніе этому — то желанію мы и печатаемъ оное, съ дозволенія почтеннѣйшаго Автора. Надѣмся, что сказаніе о Богданѣ Тимоѣевичѣ составитъ небезинтересное чтеніе для сельскаго люда. Ред.

разумъ; а разумъ свой просвѣтилъ онъ молитвою, размышленіемъ, трудолюбіемъ и жизнию полезною для себя, своей семьи и общества.

Кромѣ книгъ у Богдана было тоже, что и у другихъ крестьянъ: была теплая изба съ палатами; но чистая, выбѣленная, сухая и съ бѣлою печкою; были лошади, коровы, овцы, свиньи; но весь его скотъ былъ доброй породы, которую умѣлъ онъ сохранить и поддержать обильнымъ кормомъ и благоразумнымъ присмотромъ; водились у Богдана также и куры, гуси, утки, пидѣйки. Для всѣхъ этихъ птицъ у него на дворѣ были маленькіе, плетневые, глиной обмазанные хлѣвушки, очень хорошо придуманные, но дешевые, для которыхъ онъ издержалъ только свой трудъ да заботу.

Богданъ любилъ трудъ и науку. Долго онъ жилъ между людьми, многое видѣлъ на землѣ, многому понаучился, много и зналъ, и много дѣлалъ добра; а съ виду и по поступку былъ такой же крестьянинъ, какъ и другіе; только въ томъ была разница, что на его полѣ лучше рожалось, а въ домѣ чище прибиралось, чѣмъ у другихъ крестьянъ.

Но отъ чего же у Богдана Тимоѣевича въ полѣ лучше рожалось, а въ домѣ чище прибиралось?

Отъ того, что онъ былъ заботливъ: рано вставалъ и, помолясь Богу, принимался за работу: то въ полѣ, то въ огородѣ, то около дома, то на гумнѣ; и — что всего важѣе — просвѣтился ученіемъ, размышленіемъ и опытностію, которыя ему указывали, какъ въ его хозяйствѣ дурное измѣнить, а хорошее развить, онъ трудъ свой прилагалъ только къ полезному дѣлу, впору и во время.

Посмотришь на его загоны: у него всходы ровнѣе, потому что онъ умѣлъ хорошо сѣять и сѣялъ всегда отборными, тяжеловѣсными сѣменами; а ужинъ и умотъ бывалъ лучше, потому что — хоть по маленьку — навозомъ свое поле утучнялъ, да во время хорошо землю пахалъ и не давалъ хлѣбу застаиваться на нивѣ. Глядишь — скорѣе всѣхъ убрался. А почему? Потому что у него были 2—3 ѣзжалые лошадки: одна устала, другую запряжеть; другая устала на третьей побѣдетъ; а подъ — часъ и всѣхъ трехъ въ хомутъ: въ збруѣ, телегахъ, дровняхъ и саняхъ недостатка у него не было. А какъ заглянешь въ его огородъ, — чего тутъ нѣтъ? Капуста, лукъ, свекла, рѣдька, морковь, огурцы, горохъ, матина; а картофеля не только въ огородѣ сажалъ грядъ по 10-ти, но еще вдвое — втрое того болѣе въ яровомъ полѣ; и всѣ эти овощи выдолоты, или сохою пропаханы, и окучены, — такъ что въ нихъ ни травинки. А самъ только два раза вспашетъ огородъ, весною да осенью; гряды въ огородѣ подблаетъ сноха, она овощъ сажать, поливаетъ и выбираетъ; а внучаты ежедневно то полютъ, то матыжатъ. Придетъ осень, — глядишь воза везетъ съ огорода въ сухой свой погребъ на зиму. Ужъ куда сердечный, былъ прибористъ. Любо — дорого бывало къ нему — не то что въ избу, на дворъ взойдти. — Дворъ — то, правда, не великъ, да весь настланъ камнемъ, нигдѣ ни грязи, ни навоза: всю нечистоту вывезетъ да раскидаетъ на свой загонъ, на огородъ, или конопляникъ. Бывало, всѣмъ толковалъ: братцы, живите чистенько на дворѣ и въ избѣ: гдѣ нечистота, тамъ дурной воздухъ; гдѣ много грязи и навоза, тамъ лѣтомъ этотъ навозъ прѣетъ да гниетъ, а отъ

этого — смрадъ да лихорадки и другія болѣзни.

Всѣ добрые люди не только въ селѣ, но и въ сосѣдствѣ почитали и любили Богдана. Да и какъ было его не почитать? Онъ для смиренныхъ людей былъ защитникомъ, для несчастныхъ утѣшителемъ; а порочнымъ правду на міру говорилъ въ глаза, когда эта правда была полезна крестьянамъ. Нельзя было его не любить: придетъ ли голодный годъ, онъ бѣдныхъ поспѣшно кормитъ, недостаточныхъ ссужаетъ: кому — ржи, кому — грѣчи, кому — овса; а картофеля безъ счета. Всѣ были имъ довольны за ласковое слово, за добрый совѣтъ; никто и теперь не помянетъ лихомъ его добраго имени: Богданъ былъ для всякаго: „чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.“ Особенно любилъ онъ молодыхъ ребятъ, и всѣ добрые да смышленные отцы посылали къ нему своихъ дѣтей учиться грамотѣ и добру, да слушать его разумныя рѣчи; а въ воскресный день, или на досугѣ, и старикки приходили съ нимъ потолковать о житьѣ — бытьѣ, или когда встрѣтятся какое нибудь небывалое дѣло.

Жилъ онъ зажиточно, но наряднаго, дорогаго платья не нашивалъ, говоря: не пристойно крестьянину — земледѣльцу тратить деньги на пустыя дѣла; а въ кабакъ и не заглядывалъ. За то у него и денежки всегда важивались; и никакой недомки за нимъ ни въ податяхъ, ни въ повинностяхъ не числилось. На счетъ пьянства онъ говорилъ: братцы! пьянство, кромѣ того, что оно разрушаетъ здоровье человѣка, великій грѣхъ предъ Богомъ и предъ людьми. Пьяный человѣкъ хуже безсловеснаго скота. Въ пьяномъ видѣ онъ теряетъ разумъ и забываетъ, что онъ — Божіе созданіе и христіанинъ. Въ пьяномъ со-

стояніи онъ готовъ на всякое недоброе дѣло. Это подтверждается безчисленными примѣрами: большая часть преступленій дѣлаются пьяными людьми; другимъ изъ нихъ и въ голову бы не приходило какойнибудь злой, нечестивый, незаконный умыселъ, если бы они не побывали въ кабацѣ, и не побратались тамъ съ пьяницами и злодѣями.

Крѣпко, тоже, онъ охуждалъ несчастную привычку нашихъ крестьянъ обсуживать свои земскія и частныя дѣла со стаканомъ вина въ рукахъ; или еще хуже: кто поставилъ міру или сходкѣ ведра 2 — 3 вина; тотъ и правъ, тому и почетъ, тому крикуны и міръ мирволятъ и болтуны потокаютъ. Разумѣется бываютъ на сходкахъ и благоразумные крестьяне, но оралы имъ хода не даютъ; поэтому опытные и благоразумные старички на сходкахъ молчатъ. Какой же, въ такомъ безобразіи можно найти толкъ, благоразуміе и справедливость, когда дѣло рѣшается виномъ да задорными, безмозглыми крикунами?

Долговъ на немъ тоже никакихъ не бывало. На этотъ счетъ онъ говаривалъ: берегитесь долговъ ребята и помните что и прилежному крестьянину земледѣльцу уплачивать недоимки по земскимъ сборамъ, или долги, очень трудно; и что задолжавшій крестьянинъ, работая на чужое лицо, себѣ не принадлежитъ, и большею частию пропащій человекъ; особенно если къ тому еще онъ заглядываетъ частенько въ кабакъ. За казенную недоимку міръ у него скотину возметъ да продастъ, да пожалуй и землю отберетъ, а самого его куданибудь въ работники поставитъ и заработанныя имъ деньги въ уплату недоимки почислить.

Богданъ Тимовеевичъ крѣпко не любилъ и также горячо осуждалъ семейные раздѣлы. Дойдетъ бывало рѣчь о обѣднѣвшемъ нашемъ крестьянинѣ Климѣ Гавриловѣ: „кто же виноватъ, бывало говорилъ Б. Т. его крайней бѣдности? Не прошло и 5-ти полныхъ годовъ, какъ онъ и братъ его отдѣлились отъ своей богатой семьи. Захотѣли жить своимъ умомъ, приговаривая: „щей горшокъ, да самъ большой.“ А по правдѣ сказать: не хотѣлось жить подъ началомъ опытнаго и взыскательнаго отца; да къ тому еще снохи перебрались между собою и передрались; мужья вступились каждый за свою жену; — и пошла разлада, которую благоразумный но старый отецъ унять уже не могъ: палка въ его рукахъ, гроза послушнику, зачала поддерживать только его одряхлѣвшее тѣло. Что же вышло? Отецъ бобылемъ живетъ въ лачугѣ; а два сына съ женами и малыми ребятишками, живя одиночно, кое — какъ прокармливаются, и то съ помощью добрыхъ людей; а долги своихъ не платятъ, недомокъ не вносятъ. Къ этимъ полезнымъ совѣтамъ бывало Б. Т-чъ примолвить: говорю это не въ осужденіе, а вамъ ребятамъ для примѣра и поученія. Осуждать грѣшныхъ людей не слѣдуетъ; надобно стараться имъ помочь въ ихъ нуждѣ, и, если можно, обратить ихъ на путь истинный. Старшій братъ изъ Климовой семьи крѣпко запилъ. Это уже конечное разореніе. Но младшій не пьетъ, и прилеженъ къ работѣ; — а въ домѣ не спорится. Почему же нѣтъ успѣха? — Потому, заключалъ Б. Т-чъ, что въ самомъ — то толку мало. Живучи подъ наблюденіемъ опытнаго отца не нажилъ толка и умѣнья распорядиться порядкомъ своего хозяйства. А какъ пришлось самому

работы опредѣлять и работать, разума — то не хватило; и не мудрено: наше крестьянское хозяйство дѣло — весьма сложное и для непривычнаго человѣка весьма мудреное. Оно и держится только обычаями и опытностію.

Да и сами посудите, продолжалъ Богданъ Тимоѣевичъ, какъ было спориться хозяйству, когда у хозяина во все краткое наше лѣто есть въ полѣ ежедневная работа, которую, еще частенько, надобно сдѣлать нынѣ, а не завтра; а зимою непремѣнно ежедневная же работа на дворѣ и на гумнѣ. Мужу и съ женой врать однимъ съ ней управиться. Хорошо: — мужъ и жена на работѣ. Кто же останется дома съ малолѣтними 4-мя дѣтьми, изъ коихъ одинъ еще въ зыбкѣ? Кто припасетъ тощій обѣдъ мужу, если и жена въ работѣ. Хорошо: — мать оставимъ дома обѣдъ варить и дѣтей кормить, да хранишь; въ такомъ случаѣ у одного мужа — хозяина не хватитъ силы исполнить работу, какъ слѣдуетъ. Но этого мало. Вотъ заболѣетъ кто изъ семьи. Понадобится помощь, уходъ за больнымъ — утрата времени для работъ. Вотъ одинокій — то крестьянинъ въ работахъ и отсталъ отъ другихъ крестьянъ. Коротко сказать, возьми, съ которой хочешь стороны, все пословица выйдетъ справедлива: „одному и у каши не спору.“

Еще Богданъ Тимоѣевичъ больно журилъ крестьянъ бѣдныхъ за ихъ готовность и охоту переселяться, куда попало, согласно съ неразумнымъ мнѣніемъ: „тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.“ И въ этомъ отношеніи всегда опирался на простонародную же весьма справедливую слѣдующую поговорку: „чужбина неподатлива, ума прибавить да и горя прибавить.“

Часто онъ молодымъ парнямъ также говаривалъ: что полезно для жизни, то любопытно для разума; потому — то я и учу васъ тому, что пригодно умному крестьянину, въ его крестьянскомъ быту. А для грамотныхъ, Богданъ, руководствуясь пословицею: „что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ,“ — написалъ на бумагѣ то, чему училъ, и многое, о чемъ разсуждалъ. Толковалъ же онъ съ молодыми ребятами, въ каждую бесѣду, все объ одномъ какомъ-нибудь полезномъ дѣлѣ, для того, чтобы молодые парни его толки лучше поняли. Мы эти поучительныя наставленія Б. Тимофеевича не разъ слушали, написанныя имъ бесѣды достали, и тѣ и другіе предлагаемъ православному сельскому люду.

ИЗВѢСТІЕ

О ВСТУПЛЕНИИ ВЪ ДОЛЖНОСТЬ НОВАГО РЕКТОРА ПЕНЗЕНСКОЙ СЕМИНАРИИ.

Пензенская Семинарія 11-го числа сего Марта праздновала вступленіе въ должность новаго своего Ректора, Архимандрита Сумеона, назначеннаго Святейшимъ Синодомъ съ должности Инспектора Московской духовной Семинаріи. Отецъ Ректоръ прибылъ въ Пензу утромъ 10-го числа Марта. По благословенію Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Григорія, Епископа Пензенскаго и Саранскаго, вечеромъ въ Семинарской церкви слушалъ утреннее богослуженіе; а 11-го въ 10-ть часовъ совершилъ литургію въ сослуженіи Протоіерея Іакова Бурлуцкаго и исправл. должность Инспектора Семинаріи Іеромонаха Макарія, по окончаніи которой отправленъ молебень Святителю Иннокентію, Иркутскому

чудотворцу, небесному покровителю храма и Семинаріи. При Богослуженіи присутствовали всѣ ученики и преподаватели Семинаріи. Давши ученикамъ приложиться къ святому кресту, Отецъ Ректоръ пригласилъ преподавателей въ свои комнаты. Заѣсъ, поздоровавшись и предварительно ознакомившись съ каждымъ изъ присутствовавшихъ, между которыми были одинъ изъ членовъ Семинар. Правленія отъ Епархіальнаго духовенства С. В. Ф. (*) и г. почетный блюститель по хозяйственной части Семинаріи, градскій голова Иванъ Ефимовичъ Мурзинъ, Его Высокопреподобіе сказалъ:

„Отцы и братіе! въ настоящемъ назначеніи своемъ я усматриваю особенное дѣйствіе Промысла Божія обо мнѣ. По установленному новымъ Уставомъ Семинаріи порядку, я не ожидалъ этого назначенія; тѣмъ болѣе, что еще не признавалъ себя достаточно опытнымъ для сего; хотя и исполнялъ обязанности этого бремени въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ въ Московской Семинаріи. Въ настоящее время бремя это не легкое, по многосложности обязанностей, съ нѣмъ соединенныхъ. Но тотъ — же Божественный Промыслъ, который призвалъ меня къ настоящей, новой для меня должности, уповаю, и подкрѣпитъ въ новомъ моемъ служеніи. Ободряю себя и тѣмъ, что къ управленію заведеніемъ Уставомъ нашихъ учебныхъ заведеній

(*) Другой изъ членовъ Сем. Правленія отъ Епарх. духовенства О. Прот. О. М. П—й по своимъ должностнымъ обязанностямъ не могъ быть въ настоящемъ собраніи. Третьяго члена Сем. Правленія отъ духовенства еще нѣтъ въ Пензенской Семинаріи; такъ какъ, по недавнемъ избраніи своемъ, онъ еще не утвержденъ въ сей должности.

призвана нынѣ и вся корпорація Семинарскихъ наставниковъ, въ большинствѣ своихъ членовъ, и представители Епархіальнаго духовенства. — Прошу всѣхъ васъ своею опытностію содѣйствовать мнѣ къ устроению общаго блага заведенія. Будемъ идти единодушно къ достиженію цѣли, указанной намъ Богомъ и Правительствомъ.“

За тѣмъ Отецъ Ректоръ пригласилъ всѣхъ къ чаю, послѣ котораго предложенъ былъ, по русскому обычаю, хлѣбъ — соль, какъ символъ новаго союза, въ который отселѣ вступилъ Отецъ Ректоръ, и единодушія въ стремленіи къ одной общей цѣли, благу заведенія, на пользу котораго всѣ присутствовавшіе призваны трудиться. За тостомъ, который провозглашенъ былъ о благосостояніи Святѣйшаго Правительствующаго Синода, здравіи и благоденствіи Его Преосвященства, Покровителя Семинаріи, Преосвященнѣйшаго Григорія, и наконецъ за здравіе новаго Отца Ректора и всѣхъ присутствовавшихъ, гг. наставниками была высказана радость, что Семинарія Пензенская, наконецъ, имѣетъ Ректора, безъ котораго оставалась съ Іюля прошедшаго года, и искреннее желаніе, чтобы подъ управленіемъ новой главы заведенія всѣ члены Семинарской корпораціи слились въ одну душу въ одну силу, ко благу Церкви и ввѣреннаго Семинаріи юношества. Оживленные разговоры о мѣропріятіяхъ къ лучшему устройству Семинаріи на началахъ новаго Устава, о скудости настоящаго содержанія начальниковъ и наставниковъ въ Семинаріи, преобразованной въ учебной части и остающейся при прежнихъ средствахъ экономическихъ, о недостаточности зданій Семинаріи къ удовлетворенію требованій новаго Устава, — наконецъ предположенія и надежды на близкое введеніе полныхъ штатовъ содержанія, — заняли много врѣмени. Наконецъ въ три часа Отецъ Ректоръ раскланялся съ своими новыми со-

служивцами.

На другой день, 12 Марта, Его Высокопреподобіе посѣтилъ въ классахъ учениковъ Семинаріи. Въ VI классѣ онъ привѣтствовалъ новыхъ своихъ питомцевъ слѣдующею краткою рѣчью:

Къ Вамъ, братіе, по своей справедливости, можетъ быть отнесено Евангельское изреченіе: еще *четыре мѣсяца и жатва приидетъ* (Іоан. IV, 35.), — пройдетъ четыре мѣсяца и Вы должны оставить мѣсто своего воспитанія. По сему миѣ не придется долго быть съ Вами. — Но я долженъ сказать, что о Васъ знаютъ въ Москвѣ и миѣ рекомендовали Васъ съ очень хорошей стороны. — И такъ первѣе всего молитесь Господину жатвы, да явитъ въ Васъ дѣлателей достойныхъ, по истинѣ, великой и обильной жатвы нынѣшняго времени; постарайтесь оправдать и рекомендацію о Васъ знающихъ Васъ и мои надежды на то, что я вступаю въ среду воспитанниковъ благоразумныхъ и благонравныхъ.“

въ слѣдующихъ классахъ отецъ ректоръ говорилъ:

„Миръ Вамъ, братіе, отъ святителей Московскихъ, во святыхъ почивающихъ! Господь Богъ Своею благодатию да поможетъ намъ съ миромъ и въ мирѣ проводить житіе наше. — Съ Вашей стороны не многое требуется для достиженія сего мира, — будьте внимательны и послушны къ тѣмъ указаніямъ, которыя частію уже сообщены Вамъ, частію вновь будутъ сообщаемы; старайтесь не слухомъ только принимать оныя, но на дѣлѣ исполнять ихъ; будьте убѣждены, что все указываемое Вамъ направлено ко благу Вашему; знайте, что только истинный христіанинъ есть лучшій гражданинъ; по сему заботьтесь

приобрѣтать образованіе не ума только, но и сердца. Мы сообщали о Васъ много хорошаго: скажу Вамъ, что я долженъ повѣрить этотъ слухъ самымъ дѣломъ; — время покажетъ, — а желалось бы видѣть на дѣлѣ оправданіе, какъ рекомендаціи о Васъ, такъ и моей надежды, что Вы не вотьще проводите время съ семъ заведеніи:“

Такъ началось знакомство Отца Ректора, Архимандрита Симеона, съ вновь — вѣренною ему Семинаріею! На другой день было педагогическое засѣданіе Правленія Семинаріи.

Пр. Б.

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, Собственность Виленскаго Учебнаго Округа. Эта газета считаетъ болѣе 110 лѣтъ непрерывнаго существованія и, слѣдовательно, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ газетъ въ Россіи; обширная программа ея заключаетъ въ себѣ всѣ отдѣлы большихъ политическихъ газетъ. Редакція «Виленскаго Вѣстника» понимаетъ значеніе настоящей исторической минуты, и единственно съ этой точки зрѣнія опредѣляетъ характеръ своего изданія. Не выходя изъ предѣловъ Высочайше утвержденной программы, совершенно безпристрастно относясь къ явленіямъ мѣстной жизни, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, редакція будетъ постоянно слѣдить за изданіемъ важнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ мѣстной старины, собирать основанные на документахъ рассказы объ уцѣлѣвшихъ вещныхъ памятникахъ этой ста-

рины и сообщать выдающіеся факты изъ современной жизни. Вообще же, редакція позаботится сдѣлать «Виленскій Вѣстникъ» для Россіи — *вѣстникомъ* о Сѣверной части ея, а для послѣдней — *вѣстникомъ* о всей Россіи.

Чтобы осуществить свою задачу въ практическомъ смыслѣ, редакція «Виленскаго вѣстника» постарается удовлетворять, по возможности, всѣмъ обычнымъ требованіямъ газетной печати, т. е., согласно съ программой, откроетъ свои столбцы для всѣхъ родовъ серьезныхъ извѣстій особенная же заботливость будетъ устремлена редакціею на слѣдующіе отдѣлы:

а) Свѣдѣнія о ходѣ народнаго образованія и вообще учебной дѣятельности въ Сѣверо-западныхъ губерніяхъ.

б) Этнографическія и историческія описанія и изслѣдованія извѣстнѣйшихъ мѣстностей, въ предѣлахъ Западныхъ губерній, начиная съ отдаленнѣйшихъ эпохъ и донастоющаго времени.

в) Торговыя извѣстія изъ тѣхъ мѣстностей, которыя имѣютъ вліяніе на здѣшнюю торговлю, по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ ея дѣятельность.

г) Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Россіи, по всѣмъ отраслямъ общественной и экономической жизни внутреннихъ губерній.

д) Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Западныхъ губерній, въ связи съ предшествующими и въ параллель имъ.

Для биржевыхъ свѣдѣній, а равно и для политическаго отдѣла, «Виленскій Вѣстникъ» будетъ получать, непосредственно по телеграфу, извѣстія изъ важнѣйшихъ торговыхъ и портовыхъ городовъ. Всѣ такія извѣстія, по географическому положенію Вильны, могутъ появляться на столбцахъ Виленской газеты, если не ранѣе, то и не позднѣе столичныхъ газетъ.

Чтобы сообщать въ возможной полнотѣ разнообразныя свѣдѣнія, редакція почти вдвое увеличила вмѣстимость своей газеты, а при надобности не замедлитъ, въ мѣру своихъ средствъ, увеличить еще болѣе объемъ газеты и число ея выпусковъ.

Въ своей рѣшимости осуществить сложную задачу «Вилenskaго Вѣстника», новая редакція возлагаетъ надежды не на однѣ мѣстныя литературныя силы, но и на содѣйствіе всего просвѣщеннаго Русскаго общества. Редакція позволяетъ себѣ выразить увѣренность, что просвѣщенные представители серьезныхъ умственныхъ, нравственныхъ и экономическихъ интересовъ нашего отечества не откажутъ ей въ своихъ сообщеніяхъ: она проситъ присылать ей корреспонденціи, замѣтки, запросы и т. п. Редакція принимаетъ на себя обязанность придавать сообщеніямъ, въ случаѣ надобности, удобнѣйшую форму изложенія.

Редакторъ *С. Поль*.

Подписная цѣна на «Вилenskій Вѣстникъ» назначается въ слѣдующихъ размѣрахъ:

На годъ, безъ пересылки 7 руб. 50 коп., съ пересылкою 9 руб., на полгода, безъ пересылки 4 руб. 16½ коп., съ пересылкою 5 руб.

Для духовенства, и для волостныхъ правленій, училищъ, учителей и народныхъ школъ во всей Россіи на годъ, безъ пересылки 6 р., съ пересылкою 7 руб. 50 коп.

Подписка принимается: въ Вильнѣ, въ конторѣ редакціи «Вилenskaго Вѣстника»; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Базунова (на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной, № 30); въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Соловьева (на Страстномъ бульварѣ въ домѣ Загряжскаго), и другихъ книгопродавцевъ въ провинціаль-ныхъ городахъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ КНИГА: О ПРАЗДНИКАХЪ И ПОСТАХЪ ПРАВО-
СЛАВНОЙ ЦЕРКВИ. Для народныхъ школъ и низшихъ клас-
совъ гимназій. Составилъ Протоіерей Николай Думитрашко.
Полтава. 1870.

Цѣна съ пересылкою 15 к. сер. Можно получать въ Пол-
тавѣ у законоучителя губернской гимназіи. У него же продаются
слѣдующія книги:

1. Переводъ повсѣдневныхъ молитвъ на русскій языкъ.
Изданіе третье. Цѣна съ пересылкою 6 копѣекъ.

2. Забѣтки о воспитаніи дѣтей. Соч. Николая Данилен-
ка. Цѣна съ пересылкою 50 копѣекъ.

3. Когда написаны наши Евангелія? Сочиненіе К. Тишен-
дорфа. Переводъ съ немѣцкаго, Цѣна съ пересылкою 25 ко-
пѣекъ.

Выписывающіе этихъ книгъ не менѣе какъ на 10 рублей
пользуются уступкою 20 процентовъ.

Простой и вѣрный признакъ смерти. Во Франціи
одинъ богатый маркизь, по имени д'Орнъ, назначилъ
премію въ 20,000 франковъ за открытіе практическаго
способа, доступнаго даже сельскому населенію, несомнѣнно
узнавать наступленіе смерти. Эта премія, вѣдутъ теперь,
приежждена доктору, изъ Сен — Жан — дю — Гара. Его
простой, несомненный способъ состоитъ въ разсматриваніи
руки дѣйствительнаго или мнимаго покойника въ темной
комнатѣ, при свѣтѣ свѣчи. Если смерть еще не наступи-
ла, то пальцы, особенно въ своихъ округленіяхъ, яв-
ляются прозрачными, съ легкимъ розовымъ оттѣнкомъ,

Въ противномъ случаѣ рука закрываетъ собою свѣчу, какъ мраморная, и рѣзко отдѣляется отъ лучей свѣта. (Черн. Е. В. N 2.).

Случайно открытое средство отъ обжога. — Одинъ вѣмецъ работникъ, лакировщикъ, страшно обжегъ себѣ руку на фабрикѣ и, не зная чѣмъ успокоить жгучую нестерпимую боль, сунулъ руку въ боченокъ съ лакомъ, стоявшій неподалеку. Боль утихла мгновенно, какъ по волшебству; на другой день онъ повторилъ этотъ пріемъ леченія, и язва быстро зажила безъ всякаго другаго медицинскаго пособія. Къ нему обратились другіе работники, пострадавшіе отъ ожоги даже въ пятой степени, то есть до нагноенія, — и всѣ вылечивались необыкновенно успѣшно, когда онъ покрывалъ лакомъ обожженные мѣста. Слухъ объ этомъ дошелъ до парижа, и открывшаго это тѣстливое средство лакировщика вызвали для публичныхъ опытовъ. Дали ему двухъ больныхъ; онъ помазалъ раны своимъ лакомъ; но оставилъ одну язву для леченія ея яписнымъ растворомъ, самымъ употребительнымъ средствомъ. Лакированные язвы зажили такъ быстро, что пришлось прибѣгнуть къ лаку и для первыхъ язвъ, оставленныхъ для леченія яписомъ. (Ворон. Е. В. № 1).

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

1., Пенза 15. Марта. — 2., О начальномъ воспитаніи дѣтей сельскаго духовенства. А Балаковскаго — 3., Сказаніе о крестьяннинѣ Еога. Т—чѣ. Ив. В. Сабурова — 4., Извѣстіе о вступленіи въ должность новаго Ректора Пенз. Семинаріи Пр. Б. — 5., Объявленія.

Р е д а к т о р ъ: Протоіерей *Іаковъ Бурлуцкій.*

Дозволено цензурою Пенза 1870 года Марта 16 дня.

Цензоръ: Каѳ. Протоіерей *Θ. Пантелѣевскій.*

Печ. въ Типогр. Пенз. Губернск. Управл. Государств. Имуществами.